

Стерхова Алла
группа 106
лечебного факультета
Южно-Уральского ГМУ

МНЕ ЕСТЬ КЕМ ГОРДИТЬСЯ!

Нет ничего страшнее в человеческой судьбе, чем война. Она своим зловещим огнем сжигает все, что попадает на ее пути. Взамен уничтоженному война сеет ужас, боль, слезы, душераздирающие крики. Мир наполнен уже не пением птиц, смехом детей и ароматом цветов, а грохотом орудий, свистом пуль, мучительными стонами умирающих людей и удушающими запахами гари и крови. Так в мирную жизнь вторгается война, приводя за собой смерть.

Судьба распорядилась так, что на землях Курганской области военные действия не велись. Наш край не топтали солдатские сапоги, не мяли своими гусеницами танки, наши леса не пугали вывернутыми с корнем из земли деревьями, реки и озера не выплескивали свои воды из берегов из-за разорвавшихся в них снарядов, деревни и села не смотрели на мир оголенными печными трубами, и люди не прятались в бомбоубежищах. Но в эти годы жители Шадринского района, как и весь народ, переживали суровые, тяжелые времена: не хватало одежды, продуктов питания, техники для работы на полях, да и рабочих рук тоже не хватало. Несмотря на свое тяжелое положение, люди, находящиеся в тылу, из последних сил помогали тем, кто защищал ценой своей жизни нашу Родину.

Наш край был глубоким тылом. И сюда направляли эшелоны с ранеными, искалеченными вражескими снарядами солдатами.

Первый эшелон прибыл в Шадринск 31 июля 1941 года. Моя прабабушка, Булычева Ольга Дионисьевна, в годы войны работала в Шадринском госпитале. Ее работа была наполнена огромным смыслом: спасти жизни тех, кто воевал за честь и свободу нашей страны. Вместе со своими пятнадцатилетними подругами вчерашняя девчушка ухаживала за ранеными. Конечно, никаких медицинских навыков у них не было, но их помощь была на все золота – не хватало заботливых рук. Девочки-санитарки стирали окровавленные бинты, сушили их, а затем эти бинты использовались снова и снова для перевязок, так как перевязочного материала не хватало. Недоставало лекарств, шприцев и других медикаментов. Очень часто вместо обезболивающего средства использовалось только доброе, ласковое слово.

В госпиталь поступали в основном молодые парни, искалеченные войной, сильно обгоревшие, ослепшие, без рук, без ног, с тяжелыми ранениями в голову. Здесь они получали не только необходимый медицинский уход, но и моральную поддержку. Солдаты могли доверить медсестрам даже самые сокровенные тайны. Кто-то рассказывал о своей любимой девушке, о первом поцелуе, кто-то показывал чудом сохранившуюся фотографию, кто-то делился планами на будущее. Девушки заставляли раненых улыбаться, несмотря на то,

что у некоторых из их подопечных надежды на полное выздоровление не было. Одни поправлялись, другие уходили из этой жизни навсегда.

Прабабушка рассказывала, что страшнее всего было смотреть в глаза обреченных на смерть солдат, они как-будто чувствовали, что это их последний день, последний закат или рассвет, знали, но смеялись, шутили из последних сил вместе с другими бойцами. И почти все они в последние минуты своей недолгой жизни вспоминали близких и любимых людей. Все они спешили написать письмо домой, рассказать своим родным, как они их любят, как надеются на скорую встречу, хотя знали: когда чьи-то дорогие руки возьмут заветный треугольник, их уже не будет в этом бренном мире.

Моя прабабушка вместе с другими санитарочками изо всех сил старалась облегчить страдания раненых. Она дежурила у постелей бойцов, кормила их с ложечки, подносила к их пересохшим губам воду, читала вслух газеты, писала письма за тех, кто сделать этого не мог. Девочки своей заботой, участливыми разговорами старались отвлечь бойцов от тяжелых мыслей. И это помогало солдатам не думать о грустном. В благодарность за поддержку и искреннее сочувствие подопечные девушек называли их ласково «сестричками».

Выздоровев, солдаты снова уезжали на фронт бить врага, а тех, кто уже не мог больше воевать, отправляли домой или в дома – интернаты для инвалидов.

В детстве я не раз слышала рассказы о юности своей прабабушки, она никогда не жаловалась на свою судьбу, просто тихо и спокойно рассказывала о том, что пришлось когда-то пережить ей, ее подругам и знакомым. Как они все вместе радовались, когда с фронта приходила очередная долгожданная весточка. Ей самой не раз приходилось держать такие письма в руках, читая наскоро написанные строки. В такие моменты вокруг становилось тихо-тихо, словно слушающие ее люди пытались кроме звучащих слов расслышать еще что-то, то, чего не было написано в письме, то, что осталось между строк. После того, как письмо было прочитано, каждый пытался потрогать маленький потрепанный фронтовой треугольник, подержать в своих руках, будто их прикосновения мог почувствовать тот, чьей рукой выведены были буквы на этом листке бумаги. Женщины плакали от радости – жив, старики давали советы (словно их могли услышать). Всем двором собирались в квартирах тех, кто получал не заветные насколько строчек, а зловещие похоронки. И тогда люди испытывали одно чувство на всех – горе. Плакали все: женщины, старики, дети. Кто-то горько, с надрывом, громко, кто-то скупно и тихо. Эта боль становилась общей.

Я была слишком маленькой для того, чтобы разобраться в сути рассказанного моей прабабушкой. И только теперь, когда ее не стало, я поняла, что пришлось испытать ей. Да, она не была под пулями, ей не приходилось вытаскивать солдат с поля боя, но это не значит, что ее судьба была более легкой, чем у тех, кто ценой своей жизни спасал нашу Родину от врага. Недоедая и недосыпая, молоденьким санитаркам приходилось из последних сил поддерживать искалеченных солдат, каждому отдавая частичку своего огромного доброго сердца. Не только благодаря стараниям медиков многие

бойцы возвращались в строй, но и благодаря сотням таких девчонок, как моя прабабушка.

Я думаю, что заслуга нашей страны в победе над фашизмом принадлежит всем – отважным бойцам, самоотверженно сражавшимся за мирное небо над нашими головами и тем, кто сутками сидел у кроватей израненных, измученных жестокими испытаниями защитников нашей Родины.

Доброта и милосердие не покинули мою прабабушку и в мирное время: несколько лет она трудилась в детском доме. Война закончилась, но ее эхо еще долго раздавалось по нашей стране. Огромный след она оставила в душах детей, потерявших родителей в это страшное время. И теперь уже моя прабабушка склоняла голову не над израненным бойцом, а над спящим ребенком, видящим в беспокойном сне своих родителей, свой дом, сестренку или братишку. Когда малыш вздрагивал или начинал плакать во сне, она так же, как и раньше, касалась теплой рукой головы своего подопечного и тихим голосом что-то шептала, ее слова убаюкивали и успокаивали измученного страхом и одиночеством ребенка. Ради этого стоило жить!

Война может многое забрать у человека, но, если в его груди бьется доброе, нежное сердце, никакие испытания не позволят ему стать жестоким и злым. Примером этому может служить моя прабабушка, Булычева Ольга Дионисьевна, она передала замечательные человеческие качества своим детям, которых у нее было трое. За самоотверженный труд во время войны она была удостоена звания «Труженик тыла». Ее имя занесено в книгу «Труженики тыла Великой Победы. Шадринский район. 1941 – 1945».

Мне очень жаль, что прабабушки уже нет в живых, и я мало что запомнила из рассказов о ее юности. В первый месяц войны ей исполнилось только пятнадцать лет...